

А.Б. КАРИМОВА**РЕГИОНЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ***КАРИМОВА Алла Бекмухамедовна - кандидат политических наук, доцент РГГУ.*

Понятия и явления, связанные с "регионом", исследует большая группа наук. В данной статье я беру только тот аспект, согласно которому *регион, регионализация и регионализм* рассматриваются как территория, социально-политическая организация которой предусматривает институциональное оформление геоисторических особенностей, количественные и качественные характеристики населения. При такой трактовке в зависимости от мировоззренческих установок регионализация: а) противопоставляется глобализации, б) рассматривается как дополняющий ее механизм и в) как условие трансформации и взаимодействия смежных государств. На мой взгляд, региональные особенности, содержание специфических отношений при исследовании международных процессов позволяют выделять значимость феномена *регионального*. В формуле "новый международный порядок" региональные образования, дополняя межгосударственные отношения, включают не только взаимодействия между группами (структурами), но и неструктурированные общие признаки. Поэтому в ситуации постулата об открытости обществ конструирование региона из внутренней задачи государства (в смысле социально-экономической задачи) превратилось в особый фактор международных отношений.

Регионализация и регион чем-то близки явлению интеграции. В то же время у этих конструкций свои пространственно-временные ограничения и связи с представлениями о функции, месте и роли границ в жизни общества. Как "фрагмент" глобального социума, регион способен интегрировать, разграничивать, распределять, участвовать в организации глобальных взаимозависимостей. То есть, "природные" свойства региона позволяют видеть в нем элемент усиления или ослабления политической власти наиболее сильных акторов международных процессов.

Внимание к региону, как представляется, возникло с появлением региональных центров влияния. Другой момент актуальности регионального состоит в том, что региональная интеграция не наносит ущерба суверенитету составляющих стран. Наиболее явственно регионализация характерна для Евразии, где только в последние десять лет возникло несколько региональных интеграций: Европейский Союз, Содружество независимых государств, Лига арабских стран и др. Это разные по форме и содержанию объединения. Общее у них то, что они включают в себя все, что можно объяснить в терминах моего исследования - регион. И интерес социологов к деятельности индивидов и групп в равной мере нужно распространить на компонент социального пространства.

Хотя *регион, регионализм и регионализация* привлекают растущее внимание, ряд теоретических аспектов этой проблематики не ясен. Развитие современных государства и гражданского общества расширяет значение пространственного аспекта. В решении международных и внутренних проблем (этнические и конфессиональные конфликты, выявление социальных и региональных иерархий, установление политических границ, создание рынков, коммуникации, миграция, вопросы безопасности и пр.) регион как территория выступает в роли аттрактора .

* Аттрактор (термин из физики) - вид конечного состояния.

В российской научной практике стремление совместить экономические теории и исследования элит с анализом территориально-административных границ не сопровождается выделением социальной конструкции *регион* в качестве объекта. Ряд определений региона, фиксируя исторические, географические, экономические, природные, этнокультурные и пр. признаки, не раскрывают его природы. В них нет упорядоченности, концентрации на осевом признаке, нет действия и нет целостности. Между тем, изучение признаков и системообразующих факторов показывает, что региональная интеграция обусловлена механизмами и процедурами, придающими ей эффективность и способность эволюционировать в пространстве. Эмпирические исследования показали, что феномен региона шире. Его можно рассматривать как *форму локализации и способы контроля узловой проблемы, характерной для социального пространства в зоне ее влияния*.

Многозначность региона, позволяя интерпретировать его как ландшафтное, экономическое, культурное, политическое, геополитическое и пр. пространства, может сама стать предметом исследования. Мое понимание региона базируется на представлениях о территориях, сформированных в виде политико-экономических подсистем, опосредующих развитие глобализации.

Региональный контекст глобализации

Большинство обратившихся к проблеме глобализации уверены, что ее энергия направлена на подавление, ослабление национального государства, на его территориальную монополию, объективно противопоставляя внутреннее и внешнее пространства. Такая интерпретация не достигает глубины анализа картины мира (глобальный аспект) и картины жизни (социальный аспект). Опыт функционирования человечества привел к установлению территориального суверенитета. К концу XX века он стал универсальным в форме государства. Но полученные на основе суверенитета социальные организации не тождественны и не унифицировали особенности, привычно называемые национальными.

Важность защиты внутреннего пространства от внешнего насилия всегда была высшей социальной ценностью. С эпохи Возрождения ценность территории начинает уравниваться признанием ценности личности. Вестфальская "версия" суверенитета оказалась, с одной стороны, стимулом интернационализации, будучи направлена на создание условий полиэтнической совместимости и социальной деятельности в границах государств. С другой - утверждение пространственной определенности национальных государств породило проблему внешней политики, которая в средневековых политических практиках отражала интересы династий. По сути, сегодня трудности государства вызваны необходимостью взаимодействия в международном пространстве отношений нелинейной трансформации этатистски сформулированных национальностей с *международностью*. Эта задача будто бы разрешима путем встраивания национального государства в сеть транснациональных акторов без суверенитета. Однако выражают эту новую реальность нетвердые пары понятий "глобализация/глобализм" и "регионализация/регионализм". Дискурс этих явлений отражает их инструментальный характер и качества "авторитативных ресурсов" (Э. Гидденс).

В противоречивых определениях этих феноменов общим является признание, что это - *международный процесс*. Глобализация - не стадия или формация: она не отменяет собственности, экономических и социальных отношений, способа производства. Она обладает потенциалом превращения в международный режим, который реализуется, внедряя в *практику правила установления связей, функционирующих как новые формы сотрудничества, опосредованные технологиями регулирования общественных процессов*. Оформление процесса в режим - содержание современной мировой политики, опирающейся на "базу данных" традиционализма и постмодернизма, мировых религий, социальных организаций. Глобализация "рисует" мир, где практики

прошлого и тенденции будущего проясняются в неустойчивых формах настоящего, в культуре постоянных перемещений.

Исследователи отмечают существование элементов феодальных отношений в современности: морское пиратство, торговля людьми, которые ассоциируются с рабовладением, с феодальными порядками. Подхлестывая одни процессы и сдерживая другие, глобализация структурирует действия, как "внешний критерий" внутренних процессов. Становление категории времени, пропущенное сквозь призму экологии и экономических стандартов, расчленило универсум, "причем чаще психологически и социально, нежели исторически и географически" [1, с. 145]. Человек столь радикально "улучшил" одни районы планеты и "ухудшил" другие, что теперь, чтобы существовать, вынужден создавать механизмы стыковки "деградировавшей" территории с ее технократическим продуктом.

Феномен "птичьего гриппа" сделал актуальным контроль за перемещениями представителей фауны, расширил проблематику миграции до глобальных масштабов. Растения и животные первыми реагируют на изменения климата. Адаптационные возможности человека, увеличенные за счет технологий, нейтрализуют его эволюционную реакцию. Не природа, а цивилизация - параллельная конструкция - становится его "домом", который он уже делит с роботами и клонами. Но выработанная в борьбе за собственную безопасность нечувствительность не отменяет его зависимости от естественной среды, о чем напоминают стихийные бедствия. Их социальным результатом, как во все времена, стали издержки в жизни людей. Ранее, *проблему выживания с момента появления человек решал одним способом - передвижением в пространстве*, которое приобрело более изощренную мотивацию и стратегии реализации: экологическую, экономическую, демографическую и пр. С появлением политических границ закончилась эпоха бесконтрольного расселения. Но *социомоторные факторы*, в которые я включаю *действующие причины движений и изменений*, не потеряли актуальности. Более того, оседлость, долгое время признаваемая показателем высокой социальной организации, сегодня оказалась в списке качеств традиционного общества.

Информационные технологии, казалось, снизили значение территориального аспекта. Но только в привычном смысле. Стало ясно, что масштабы передвижения символов власти электронным способом сводятся к операциям переноса нематериальных знаков. Качество, направление и скорость движения людей и товаров, ориентируясь на мировые рамки права, обеспечиваются юрисдикцией и полномочиями национальных государств. Эволюция международных институтов (КОКОМ, ГАТТ, ВТО, ВБ, МВФ) позволяет составить представление об усилиях по трансформации структур одного экономического порядка. Однако даже самые широкие экономические основания не сглаживают различий культур, политической и военной организаций. Поэтому в региональных и национальных пределах *экономические приоритеты глобализации обнаружили зависимость от геополитики и выделившейся из нее политики регионализма*.

Представляется, что глобализации присущи три нелинейно соприкасающихся уровня информационного потока:

- коммуникационно-технологическая революция, сосредоточенная на универсализации многообразия рынков;
- сетевая мировая политика, в которой правительства являются объектами воздействия (международное право, режимы, кодексы) и субъектов (национальные институты), предоставляя в одних случаях поле реальности транснациональным акторам (корпорации и пр.), в других - взаимодействуя с неформальными группами (неправительственные организации, диаспоры, клубы);
- детерриторизация и ретерриторизация, перераспределение функций разного уровня и типа, выдвигание геокультуры/геоэкономики в качестве ядра регионального пространства.

Каждому уровню соответствует институциональное ядро-центр: 1) глобальные финансовые организации; 2) политические учреждения, адекватные глобальному ох-

вату; 3) регионы, subsystemы которых реализуют, дифференцируют, утверждают, корректируют общий порядок. Поэтому глобализацию справедливо рассматривать как проблему "властного распределения ценностей в обществе", выделенную Д. Истеном в качестве предметного поля политических наук [2], не ограниченную рамками конкретного суверенитета.

Специфика глобализации не в ее материальных факторах или виртуальной продукции, а в том, что для детерриторизации пространства она применяет стратегию *не вместо, а вместе*. Конструируя культуру непрерывных трансформаций, она использует все, что может делить социальное пространство, и все, что может его *перестроить*. "Однако новое общественное пространство должно строиться на различных территориальных уровнях, а не только на уровне государства. Там, где присутствуют разделительные линии, - наследие истории процесса нациестроительства, современные глобальные перемены могут оказывать на них определенное воздействие, способствуя территориальной фрагментации" [3, с. 84]. Производные фрагменты моделируют свои социальные практики, определяющие мотивацию и стратегии реализации содержания регионализма и его объекта - региона. В одних случаях региональное развитие, кроме территории, учитывает лингвистические, конфессиональные особенности, в других - экономические, в третьих случаях - экологические, в четвертых - проблемы безопасности и т.д.

Глобализация именно в региональном контексте позволяет отслеживать направление изменений, *фиксирующих* предельно широкий уровень. Одно из доказательств оправданности такого подхода в том, что практически все исследования глобализации подчеркивают неравномерность ее, выделяют "ядра" и "периферии", которыми являются регионы, отличающиеся природно-климатическими особенностями и уровнем развития, но, прежде всего, степенью влияния на процессы международной политики. Подвижность границ региона делает его то инструментом преодоления суверенитета, то механизмом сглаживания неоднородности приграничных регионов Востока-Запада/Севера-Юга, то способом властвования в культурно-историческом анклав. Многозначность регионального ярко отражена в проблеме пересмотра границ, в росте наднациональных организаций, интернационализации и стремлении достигнуть более широких оснований культуры. *Массовое стремление региональных практик к политической легализации — факт, которого не знал доглобальный социум.*

Самоидентификация, культурная и политическая принадлежность государства к региону, региона - к мировой политике приобретают самостоятельное, порой решающее значение для судьбы государства, его иерархии в мире. В этом смысле регионализация представляется процессом, более всего характерным в настоящее время для СНГ, Европейского Союза (ЕС) и других объединений, находящихся в ситуации радикальной перестройки географически и *деятельностно* соприкасающихся систем. Во всех случаях в ней переплетены, с одной стороны, векторы централизации, этатизма, с другой - тенденции "нового регионализма".

Элиты ЕС обсуждают ряд проектов трансформации Европы: Европейская республика [4], международная организация, наднациональная структура, мировая держава [5, с. 104] и Европолития [6, с. 146]. Речь идет о моделях развития Европы, территория которой со времен географии К. Риттера не признает фиксированной восточной границы, что до известной степени объясняет ее расширение по континенту. Органическая связь регионализма с пространством подтверждена экспериментами советской системы управления. Замена отраслевого принципа территориальным привела к трансформации регионального хозрасчета в экономический сепаратизм, который перерос в создание суверенных субъектов политики, а затем в появление СНГ.

История знает примеры, подтверждающие "бинарную" природу региональных процессов. Один из них описал А. Мэхэн: "Соперничество между отдельными провинциями и коммерческий дух превратили Нидерланды в маленькое европейское государство. Уже в 1660 г. оно представляло собой плохо связанную конфедерацию, управляемую коммерческой аристократией" [7, с. 77]. Региональный сепаратизм в

Швейцарии был предотвращен "в значительной степени наличием консенсуса мировых сил в отношении швейцарской государственной целостности и нейтралитета" [8, с. 18]. К. Хаусхофер выделял такие территории, как Швейцария, Фергана, Сан-Марино, Бутан, Андорра и др. [9, с. 39-40]. Дж. Най пришел к выводу, что регионы располагаются там, где диктует политическая целесообразность [10]. Следовательно, *регионализм - это набор политических требований, направленных на инструментализацию территориально-географических особенностей в целях достижения экономических, военно-политических, культурных и других преимуществ.*

Проблемой регионализма является представление о границах транзитных (подвижных, неустойчивых) территорий. Рассматривая границы в политическом и географическом значениях, политические географы выделили метод интенсивный, "углубляющийся регионально", и идущий вширь - экстенсивный. "Первым пользуются преимущественно поборники народов гор, живущих в условиях горных ландшафтов, долин, высоких плато и на их окраинах с обрывистыми склонами и ставшие благодаря опыту крупными, зрелыми исследователями; вторые - больше те, кто обучен в основном чувству границы на морском жизненном опыте..." [9, с. 113]. Однако исследования пространства физических переменных выделяют "известную мировую тенденцию сокращения размеров горных государств" [11, с. 92]. Поэтому экономика интегрированного региона более устойчива в условиях территориально-административных преобразований. В этом причина неафишируемой ориентации глобализации экономики на регионализацию мирового хозяйства.

Представления о региональности опираются на культурно-историческую и геоэкономическую специфику, поэтому каждый регион является местом *конкретной* политики. Но этого уточнения недостаточно, поскольку термин "политика" в современных международных процессах не адекватно отражает картину строительства региона. Я предлагаю разграничивать понятия "регион", "регионализация" и "регионализм".

В мировой политике, манипулирующей множеством конструкций, регион предстает как инструмент перестройки пространственных образов. Ее направление варьируется мирополитическими, культурными, социально-экономическими, в том числе сырьевыми составляющими. Методологически важно положение Д. Замятина о возможности "когнитивного смещения образа" регионов, их ментального дрейфа [12, с. 146], которую Ф. Ратцель высказывал как идею постоянного перемещения границ. В теориях постмодернистов, в концепциях картографического "конструирования" мира, мысли творцов геополитики о передвижении социальных практик в пространстве обновлены лишь терминологически.

С середины XX в. кибернетика, новые средства коммуникации превращают геополитический образ мира, созданный Х. Маккиндером в начале XX в. [13], в политическую гиперреальность XXI века. Предложенная Маккиндером перспектива соперничества народов пришла в пространства, облученные идеями мировых религий и социального прогресса. Образ целостной планеты, - матрица "нового времени", - определил масштабы, которые следует достичь посредством организованного политического управления миром. Вопрос, кто и как будет перестраивать мир на очередном этапе социальной эволюции, динамизировал политическую мысль, набирая силу весь XX век. Ситуационная насыщенность регионального измерения текущего столетия усложнила стратегическое видение и актуализировала проблему *конструирующих* сил международной жизни.

Вновь подтверждено, что политические процессы трансформируют пространства, провоцируя несовпадающие изменения внутреннего и международного характера, тем самым, раскрывая посреднические функции регионального. Как заметил З. Бауман: "Глобализация не столько формирует единый мир, сколько его фрагментирует" [14].

Исследования феномена регионализации в середине прошлого века привлекли внимание практиков управления к проблеме совмещения хозяйственного пространства, культур и религий [см., напр.: 15; 16; 4 и др.]. Сочетание представлений о строении атома с выводами теорий лингвистических ограничений, повторив "сценарий" рожде-

ния аристотелевой метафизики, привило социальной мысли вкус к конструкциям, элементам, символам, к различению пространств через скорости развития, к укреплению "семейного сходства" (Л. Витгенштейн). Франция, писал М. Фуше, отказалась от Алжира, сделав выбор в пользу строительства единой Европы [4, с. 14].

Такие взгляды на регионализацию углубляют смысл дискуссий о глобализации, о распаде "вестфальского" государства [17, с. 9] и рекомендаций по укреплению государственности [18]. В зависимости от мировоззрения аналитика, значение чего обособленно подчеркивает неопозитивизм, регионализация рассматривается как противоположность глобализации, или как дополняющий ее механизм, иногда - как условие трансформации и взаимозависимости соседних государств. Полагаю, что регионализация, сочетаясь с глобализацией, играет роль *интегратора, поддерживающего разграничительные линии*. Определяя регионализацию как *политическую дезинтеграцию, предшествующую ре-конструированию региона, предлагаю понимать под регионализмом концептуально оформленную политику трансформации интегрирующихся субъектов*.

Регион - центральный элемент глобальной трансформации

В трактовках понятия региона речь идет о различных представлениях о предмете. Во-первых, "регионы являются воображаемыми сообществами" [16, с. 159]. Во-вторых, "строители региона", как правило, работают ради определенного политического проекта. На мой взгляд, несомненно удался строителям новой Европы ее имидж динамичного индустриального и высокотехнологичного региона, хотя "80% ее территории занято под сельское хозяйство, а в ВВП и занятости доминирует сектор услуг" [19, с. 28]. Третья особенность конструирования региона - это "исправление границ". В некоторых подходах к международным социальным практикам подчеркивается, что они "борются, сталкиваются, деконструируются и вытесняют друг друга" [20, р. 410]. Какова цель этой борьбы? Подытоживая сентенции Гоббса, Канта, многие социологи и политологи XIX-XX вв. считают причиной военных конфликтов "разрастание государств" и потребности экономики. После второй мировой войны на расширение посредством территориальных войн мировое сообщество наложило вето. Но вирус войны не ликвидирован. Он мутировал в холодный, локальный, водный, национально-освободительный, этноконфессиональный, информационный, винный, демографический, бактериологический (ядерный, химический), наконец, будущий вид войн. Ответ на вопрос, излечимо ли такое радикальное зло как война, в доядерных рефлексиях ставился в зависимости от способности человечества приобрести нравственные качества. В современных концепциях проблема почти всецело фокусируется на движении и переменах.

Западные авторы видят выход в политической институционализации, указывая, что демократические страны не вступали друг с другом в вооруженные конфликты. И, как это видно на примере ЕС, "историческое движение на Восток" Европа в одних случаях осуществляет путем объединения *невоюющих друг с другом демократий* в противовес организации государств "покорением ряда наций одной" [21, с. 459-487]. В других - применяя концепцию "прямого соседства", создаются трансграничные институты в приграничных регионах, таких, как зоны соприкосновения Евросоюза с Российской Федерацией. Однако приграничный регион имеет специфику, связанную с институтом внешних границ. Поэтому международное сотрудничество в приграничных регионах рассматривается с доминирующим учетом факторов безопасности и геополитики. По-видимому, эти условия были решающими в присоединении Польши, Латвии, Литвы и Эстонии к ЕС, хотя на определенном этапе векторы политической коммуникации этих стран указывали на стремление строить Балтийский регион. Но самостоятельный Балтийский регион подразумевает принципиальное территориально-

географическое условие: включение Калининградской области, что создало бы проблему территориальной целостности России.

Регион можно трактовать как сложную социально-политическую форму направленных изменений, которые отражают институциональные превращения этнорелигиозно, геополитически или геоэкономически интерпретируемого пространства. Следует признать точность европейского смысла слова "регион", производного от латинского глагола "regere", в переводе на русский язык - "править". Эта важная деталь дополняет понимание региона: *управляемая, но не имеющая суверенитета территория*.

Происхождение термина "регионализм" одни авторы связывают с течением в изобразительном искусстве США, или с учрежденной в 1920-х гг. школой региональной социологии Университета Северная Каролина (США) [22]. Социологи ссылаются на возникшее тогда же во Франции "движение за восстановление и сохранение преимуществ малой локальной единицы от посягательств крупного национального государства", принявшего форму "политической философии регионализма" [23, с. 55].

В Европе понятие "регион" является собирательным. В европейской Хартии регионализма 1988 г. оно определено "функционально": гомогенное пространство, имеющее физико-географическую, культурную и языковую близость, а также общность хозяйственных структур и исторической судьбы [17, с. 11]. В СССР практика регионального хозрасчета предшествовала концептуальному осмыслению роли региональных отношений. Политический смысл "регион" обрел в постсоветских дискуссиях о федерализме, партстроительстве и выборах. Учитывая все это, отмечу, что международное право не раскрывает понятие "регион", хотя Устав ООН (ст. 52) "не препятствует существованию региональных соглашений или органов", если они и их деятельность совместимы с целями ООН [24, р. 3-5].

Смысловая сопряженность региона с распределением власти ставит его в центр политических трансформаций. Отсюда рост роли регионов, т.е. "географической группы смежных национальных государств, которые юридически являются сущностями одного порядка, достигли высокого уровня взаимодействия и институционализированной кооперации посредством многосторонней структуры" [25, с. 8]. Иными словами периферийное пространство, его символ, культурная принадлежность региона - становятся решающими для участия в глобальной сети иерархий.

Пространство движений

Границы государств, как правило, сложились исторически. Верно и то, что практически каждая из них - результат политических действий и событий. В средние века территориальный контекст и возможность установить политические границы явились "строительным материалом" национального государства и его суверенитета. Другая особенность границ восходит к "родовой" характеристике социальных продуктов: они долго появляются и неохотно исчезают, поскольку связаны с функцией определения не только физической и культурной протяженности отдельных групп человеческого сообщества, но и с властью доминирующей группы. В большинстве своем границы нельзя описать как явление эволюционной объективности. Политические границы - результат, который не есть что-то устойчивое, раз и навсегда данное. Постулируемая западной традицией возобновляемость процессов разграничивания, "*трансгрессия*" границ - это образ мироустройства с позиций политической антропологии. В XIX веке, когда Англия и Россия "встретились" в Средней Азии, лорд Биконсфильд, по свидетельству современников, оценивая афганские события, "заявил о необходимости научного исправления границ" [26, т. 1, с. 525]. В концепциях глобализации стремление учесть трансформации приобрело оттенок двусмысленности, как если бы суверенитет оторван от территории, а отчужденная территория превратилась в пространство, где функционируют структурируемые субъектами мировой политики потоки

людей, идей, товаров и т.д. Практика не подтверждает наступления эры свободного передвижения товаров, услуг и людей через госграницы. На мой взгляд, инерция негативно-кризисных подходов не позволяет уделить должное внимание трансформации современного государства, укрепляющего господство над территорией с помощью новейших форм контроля над передвижениями (миграционная политика, экологические санкции и т.д.).

Каждая эпоха придает свой смысл историческим процессам. В наши дни управление движением в организованном пространстве становится политическим заданием, выполнение которого ведется "методом" институционализации. В "Трактате о государственном правлении" Д. Локк объяснял появление государства как "перенос" людей из естественного состояния в цивилизованное. Современные наблюдатели подчеркивают, что регион возник раньше государства. Зоны социальных аномалий, одна из которых - регион Латинской Америки, являются "доказательством существования огромных массивов населения в условиях, близких к естественным" [27]. Это - повод не только для размышлений над феноменом "непрочной государственности", но и для более ответственного подхода к концептуализации аспектов глобализации.

К. Дойч фиксировал специфику государства, зависящую от его целей, и утверждал, что для борьбы с общими угрозами, не считающимися с международными границами, "политические институты должны быть глобальными". Небольшое политическое образование актуально, когда стратегия государственного развития базируется на сохранении уникальной культуры. "Оптимальный размер, - делал вывод исследователь, - зависит от целей государства" [28, р. 290]. В мире стандартов рыночной демократии, перенесенных на область международных отношений, они корректируются только глобальными возможностями. Таким образом, *расширение (движение) в контексте современной парадигмы мотивирует приобретение контролирующих позиций субъекта мировой политики, отрицающего остаточную анархию международной системы.*

Тенденция выделять управляющий (контролирующий) центр сложилась в Европе XIX века, сделав акцент на национальном государстве и его способности подчинять своей юрисдикции раздробленные территории. С тех пор проблему расширения можно интерпретировать как правовую, экономическую, культурную. Мировые войны и революции XX в. корректировали понимание управления пространством. Оно рассматривается не только с точки зрения экономической, но и с позиций обеспечения реальной безопасности, выживания культуры и языка. Территориальный аспект в сочетании с глубокими изменениями политической структуры мирового порядка приобрел центральное значение. Известна попытка его решения с помощью Интернета, невероятно усилившего проникающее свойство информации.

В середине 1930-х годов в США шла дискуссия о преимуществах и недостатках локального сообщества и федерального правительства. Из экономической депрессии штаты сделали вывод, что локализм не может удовлетворять как форма социальной организации, что локализм и централизм не должны использоваться друг против друга. Пришло сознание необходимости планирования, которое в условиях вражды локальных сообществ с федеральным центром было невозможным, противоречило идее "невидимой руки" рынка. Разрушительная депрессия заставила пойти на радикальную перестройку системы управления, с которой американцы никогда бы не согласились в условиях благополучия. Началось строительство Америки как *иерархии контроля*, в которую встроена *гибкость* региона, где каждая предельно локализованная единица управления наделена собственными функциями.

Выходец из Чикагской школы Л. Вирт прогнозировал, что американское общество получит блага *крупной централизованной организации*, контролируемой демократически, лишь при условии, что научится использовать техники коммуникации для генерирования массового взаимопонимания, осведомленности и участия в формулировании политических программ более крупного и разнородного политического тела, чем прежде [23, с. 57]. Так в системе управления США были синхронизированы лока-

лизм и централизация, варьирующие объемы сообразно ситуации. Эти идеи, представляется, легли в основу глобализации, интерпретирующей мир как систему регионов.

Реконструкция международных отношений после окончания холодной войны предусматривала отмену различий внутренней и внешней, территориальной и нетерриториальной политик, укорененных в доглобальных концепциях. Такие подходы проливают свет на сложность взаимосвязей, которые в условиях глобальности действительно выходят за рамки государств и обществ в региональное пространство, где изменяются привычные факторы политической жизни. Однако вопреки постулату о слабости национальных институтов региональная практика полна доказательств того, что правительства и государства остаются главными факторами мировой политики. Во-первых, стратегию групповых интеграций выбрали и зависимые, и разрастающиеся государства. Ее оптимальность растет из идей политиков об интеграции без суверенитета: международных организаций, многонациональных корпораций, профессиональных ассоциаций, социальных движений, транснациональных групп давления. Но интеграция всех видов может быть только продуктом выбора государств, пусть и навязанного агентами мировой политики. Это - во-вторых. В-третьих, многосторонние структуры имеют ситуативный, обслуживающий характер. Их деятельность подчинена правилам транснациональных взаимодействий, тождественных межгосударственным, дополняемым усилиями объединений неправительственных [29, р. IX-XXIX]. На мой взгляд, попытки обусловить политическую независимость "нетерриториальных" акторов выявляют элементы, несовместимые с суверенитетом демократического государства. Исследователям глобального и регионального контекстов эти дискуссии следует продолжить.

Траектория глобализации отвергла идею прямолинейного прогресса, разрывая его на "центр и периферию". Определить границы "центра" нельзя не только потому, что это пространство поделено географически, но, прежде всего, потому, что оно поделено политически. Отсюда рост роли регионов, которые могут выступать и как пространства определения своего "центра".

Регион достраивает феномены глобализации в цепочку локального, национального, регионального и международного; предохраняет их от нейтрализации; фильтрует взаимодействия. Для глобального центра интересны именно последние, ибо в случае институционализации они станут каналами транспозиции государства и каналами притягивания территорий. В то же время локальное и национальное существуют внутри региона. Поэтому создание региона развивается неровно, конфликтно, сопротивляется и/или способствует сотрудничеству по схемам прогресса (доглобальная парадигма) и иерархии (возникающий миропорядок). Размеры и форма региона зависят от функций, которые он должен выполнить, и политической мобилизации его населения.

В отличие от государства регион - структура неравновесная. Трансформация - принцип его организации, в которую на разных, но не взаимоисключающих условиях вовлечены субъекты интеграционной группировки. Они действуют внутри и вне государства. Они подвижны. *"Изменение" и "движение" — ключевые термины настоящего, различающиеся пространства которого конструируются как организованные потоки объектов: живых организмов, а также материальных и нематериальных символов.*

Таким образом, концептуальная основа глобальных трансформаций включает "в себя элементы разрушения и перераспределения территориальных границ политической и экономической власти" [25, с. 33] в конкретном региональном пространстве. Мое определение региона указывает его источник - проблемы. Они могут быть культурными, экономическими, экологическими, историческими, связанными с вопросами безопасности и даже изобретенными (например, область "Падания", сконструированная У. Босси на севере Италии ради присоединения к центру Европы). Из диалектики глобализации и стабильного места государства вырастает повестка дня политического регионализма. Регионы есть не везде, но их конструирование, как правило, упорядочивает организацию пространства с новым политическим и социальным содержанием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Неклесса А.М.* Глобальный град: творение и разрушение // Восток. 2003. № 1.
2. *Easton D.* A Systems Analysis of Political Life. NY, 1963.
3. *Китинг М.* Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6
4. *Фуше М.* Европейская республика. Исторический и географический контуры / Пер. с фр. М., 1999.
5. *Фишер Й.* Европа и будущее трансатлантических отношений (речь в Принстонском университете 19 ноября 2003 г.) // Internationale Politik. 2003. № 6.
6. *Шмиттер Ф.* Будущее демократии: можно ли рассматривать его через призму масштаба? // Логос. 2004. № 2(42).
7. *Мэхэн А.Г.* Влияние морской силы на историю. 1660-1783. М.-Л., 1941.
8. Федерализм и проблема меньшинств в многоэтнических обществах. (Сравнительный анализ: Швейцария - Югославия). Белград: Ин-т европейских исследований, 1995 / Актуальные проблемы. Новейшая зарубежная литература по социальным и гуманитарным наукам, 1996. М., № 11.
9. *Хаусхофер К.* О геополитике. Работы разных лет. М-, 2001.
10. *International Regionalism / Ed. by J.S. Nye.* Boston, 1968.
11. *Доброцеев О., Зубков Ю.* Территориальная реформа: неизбежно, но осторожно // Политический класс. 2005. № 8.
12. *Замятин Д.Н.* АТР и северо-восток России: проблемы формирования географических образов трансграничных регионов в XXI в. // Восток. 2004. № 1.
13. *Маккиндер Х.* Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4.
14. *Бауман З.* Глобализация: последствия для человека и общества. М., 2004.
15. *Regionalism and the changing international order in Central Asia // International affairs.* Vol. 80. № 3. May 2004.
16. *Нойманн И.* Использование "Другого". М., 2004.
17. *Бусыгина И.М.* Концептуальные основы европейского регионализма / Регионы и регионализм в странах Запада и России. М, 2001.
18. *Володин А.В.* Региональные факторы развития и безопасности России. М., 2002.
19. *Иванов И.Д.* Европа регионов. М.: Международные отношения, 1998.
20. *Ashley R.* The Geopolitics of Geopolitical Space: Toward a Critical Social Theory of International Politics//Alternatives. 1987. Vol. 12. №4.
21. *Масарик Т.Г.* Философия - Социология - Политика. Избранные тексты. Отв. ред. *Н.П. Нарбут, Е.Ф. Фирсов.* М., 2003.
22. *Vance R.V.* Human Factors in Cotton Culture: A Study in Social Geography of the American South. Chapel Hill, 1936.
23. *Вирт Л.* Локализм, регионализм и централизация // Логос. 2003. № 6.
24. *Vierucci L.* WEU: A Regional Partner of the UN? P., 1993.
25. *Хелд Д. и др.* Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М., 2004.
26. *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. С картами и планами. СПб., 1906. В 3-х тт.
27. *Санчес Арнау Х.К.* Причины кризисов в формирующихся экономиках России и Аргентины // Латинская Америка. 2004. № 4.
28. *Deutsh K. W.* Tides among Nations. NY, 1979.
29. *Keohane R.O., Nye J.S. (J.).* Transnational Relations and World Politics. Cambridge, MA, 1972.